

„Обломонъ старыхъ поколѣній“.

Петръ Ивановичъ Бартенева.

1.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ пору, когда мнѣ еще нравилось наблюдать

Въ послѣдній мигъ утѣхъ
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ,—

я возвращался домой, подъ утро, по московскимъ улицамъ, изъ какого-то (приходится въ томъ сознаться) загороднаго ресторана. Всѣ, конечно, знаютъ тягостное ощущеніе усталости и недовольства собой послѣ бессонной, безпутной ночи, такъ вѣрно изображенное Тютчевымъ:

Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ
Вчерашній зной, вчерашній прахъ...

Мой путь лежалъ мимо того дома на Ермолаевской Садовой, гдѣ послѣднія лѣтъ двадцать помѣщалась редакція *Русскаго Архива* и жилъ П. И. Бартенева. Его кабинетъ помѣщался тогда въ комнатѣ надъ воротами, вродѣ „фонаря“, полъ которой онъ, кстати сказать, для теплоты устлалъ, подъ ковромъ, нераспроданными книжками своего *Архива*. И вотъ, въ полусвѣтѣ разсвѣтлыхъ сумерекъ, я вижу, что большое, „итальянское“, окно кабинета Бартенева освѣщено, и онъ самъ, согнувъ свою старческую спину, сидитъ за столомъ, съ перомъ въ рукахъ, и, видимо, занятъ чтеніемъ корректуръ своего журнала...

Я понимаю, что къ этому сопоставленію надо сдѣлать разныя оговорки... Мнѣ не было еще 30 лѣтъ; Бартенева было за 70. Старики спать мало, и не удивительно, что Бартенева всталъ до свѣта и въ шесть часовъ утра уже сидѣлъ за корректурами... И все же картина, которую я видѣлъ, неизгладимо запечатлѣлась въ моей памяти. Спящій городъ,—

свѣтъ, неумолимо четкій,
И слишкомъ рѣзкій стукъ пролетки въ типинѣ,
Предъ окнами конторъ желѣзныя рѣшетки,
Пустынность улицы, не дышащей во снѣ...

Мирные обыватели видятъ сладкіе сны въ своихъ двуспальныхъ постеляхъ, рабочіе торопливо поднимаются на ожесточенный звукъ фабричнаго гудка, ночные гуляки нетвердой походкой возвращаются домой, а старый трудолюбецъ, надѣвъ очки, клоня при свѣтѣ керосиновой лампы лысую голову, бодрствуетъ за всѣхъ, вникаетъ въ чьи-то старыя письма или въ какіе-то мемуары прошлаго вѣка и на поляхъ корректуры немного дрожащимъ, но еще твердымъ почеркомъ приписываетъ свои маленькія примѣчанія, тѣ лукавыя строки, помѣченныя „П. Б.“, въ которыхъ часто, въ формѣ едва уловимаго намека, скрываются цѣлыя откровенія для исторіи нашей старины... Готовится новая книжка *Русскаго Архива*, новый вѣнчикъ въ томъ несокрушимомъ зданіи, которое медленно, неустанно, неуклонно воздвигалъ Петръ Барте-невъ и которое понемногу переросло всѣ эфемерные журналы нашего вѣка и, словно какая-то Эйфелева башня, высоко подняло свою голову „надъ греблями никлыхъ зданій“.

Да, то, что я увидѣлъ, проѣзжая однажды подъ утро по Ермолаевской Садовой, мимо дома № 175, не было исключеніемъ. Такъ работала Барте-невъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ. Быть можетъ, всего замѣчательнѣе, что Эйфелева башня *Русскаго Архива* воздвигнута почти цѣликомъ трудомъ одного человѣка. Все, что написано въ *Русскомъ Архивѣ* посторонними сотрудниками, ничтожно—и количественно и качественно; никогда никакого „редакціоннаго комитета“ при журналѣ не существовало; если иногда лица, стоявшія особенно близко къ журналу (напримѣръ, сынъ П. И. Барте-нева—Юрій П. Барте-невъ), и пытались подѣлать трудъ съ „издателемъ и составителемъ“ *Архива*, ихъ намѣренія разбивались о непреклонную волю, вѣрнѣе сказать, о неодолимую потребность Барте-нева—все дѣлать самому. Онъ самъ собиралъ матеріалъ для журнала, самъ подготавливалъ его къ печати, редактировалъ, снабжалъ примѣчаніями, самъ писалъ замѣтки и рецензіи, самъ корректировалъ каждую книжку, читая и „гранки“ и „сверстанные листы“ по два, по три, по четыре раза. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ не было ни одной книжки *Русскаго Архива*, которая не была бы составлена, проредактирована и прокорректирована П. И. Барте-невымъ. Даже послѣдняя, 12-ая, книга пятидесятаго года, которая должна была выйти уже послѣ смерти Барте-нева, почти полностью была имъ подготовлена къ печати. Можно сказать, что всѣ 50 лѣтъ журнала проведены имъ однимъ,—примѣръ единственный у насъ, да, кажется, весьма рѣдкій и во всемъ мірѣ.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ П. И. Бартепевъ началъ изданіе перваго въ Россіи историческаго журнала. Съ тѣхъ поръ появлялось не мало новыхъ. Многие изъ нихъ имѣли гораздо большій успѣхъ. Не говоря о краткомъ существованіи такихъ спеціальныхъ изданій, какъ *Былое* и *Минувшіе Годы*, даже *Русская Старина*, задачи которой въ общемъ сходны съ задачами *Архива*, сумѣла привлечь къ себѣ гораздо большее вниманіе, собрать вокругъ себя гораздо болѣе обширную аудиторію. Но Бартепевъ оставался вѣренъ однажды избранному плану: изъ года въ годъ появлялись все новыя и новыя книжки *Архива*, составленныя приблизительно по той же системѣ, какъ его первые выпуски. Конечно, были въ изданіи всякаго рода промахи и недочеты (о чемъ мнѣ еще придется говорить), но каждый годъ *Русскій Архивъ* приносилъ что-нибудь новое и важное для изслѣдователей нашей родной старины и пополнялъ „архивъ“ нашихъ историческихъ документовъ, становившихся общимъ достояніемъ. Трудно представить себѣ русскаго историка или историка русской литературы, который не былъ бы принужденъ обращаться при своей работѣ къ *Русскому Архиву*. И если количество *подписчиковъ Архива* было невелико (послѣдніе годы ихъ было меньше 1,000), то число его *читателей* было огромно. Другіе журналы за истеченіемъ года теряютъ свое значеніе, иногда обращаются въ ненужный книжный хламъ; книжки *Русскаго Архива* съ каждымъ годомъ привлекаютъ все новыхъ и новыхъ читателей. И если подсчитать не число подписчиковъ отдѣльныхъ лѣтъ, а число лицъ, обращавшихся за справками къ *Русскому Архиву*, можетъ быть, окажется, что это—одинъ изъ самыхъ читаемыхъ журналовъ въ Россіи.

2.

П. И. Бартепевъ родился въ 1829 г., и, слѣдовательно, въ годъ смерти Пушкина ему было 8 лѣтъ. Готовя свою первую работу о Пушкинѣ, Бартепевъ собиралъ свѣдѣнія „по свѣжимъ слѣдамъ“, бесѣдовалъ со многими, знавшими Пушкина лично. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ, напримѣръ, съ Соболевскимъ. Когда появилось первое изслѣдованіе Бартепева о Пушкинѣ, на автора книги жестоко обидѣлся Чаадаевъ: ему показалось, что въ ней не достаточно оцѣнено и выяснено его, Чаадаева, вліяніе на Пушкина. Для нашего поколѣнія и Соболевскій и Чаадаевъ—личности историческія; мы знаемъ о нихъ по книгамъ, изучаемъ ихъ біографіи, какъ біографіи людей иной эпохи. Для Бартепева это были живые люди, пріятели и знакомые его далекой юности. Мало того: въ дѣтствѣ Бартепевъ лично видѣлъ людей, служившихъ еще „при матушкѣ Екатериинѣ“. Екатерининское время, для насъ сѣдая старина, для Бартепева

казалось недавнимъ прошлымъ, чѣмъ-то отъ него самого отстоящимъ недалеко. Сороковые годы онъ пережилъ уже вполне сознательно; съ кружкомъ славянофиловъ онъ былъ близокъ (особенно дружилъ съ нимъ И. С. Аксаковъ) и самъ раздѣлялъ ихъ мечты и надежды. Крымская кампанія застала Бартенева окончательно сложившимся человѣкомъ, молодымъ ученымъ, который былъ глубоко затронутъ совершавшимися событіями.

Въ нашу эпоху Бартенева пришелъ какъ бы изъ другого міра. Онъ пережилъ расцвѣтъ и паденіе славянофильства, пережилъ буйное движеніе 60-хъ и 70-хъ годовъ, пережилъ все царствованіе Александра III и въ тѣ годы, когда Бартенева узналъ я, въ концѣ 90-хъ годовъ, стоялъ передъ нами какъ „обломокъ старыхъ поколѣній“. Всѣ друзья его молодости были уже въ могилѣ; своихъ сверстниковъ онъ почти могъ пересчитать по пальцамъ; кругомъ шумѣла новая жизнь,—внуки и правнуки тѣхъ, кого онъ знавалъ когда-то. Что же удивительнаго, если этой новой жизни Бартенева оставался чуждъ. Многое изъ того, что волновало и мучило насъ, для него прошло совершенно незамѣченнымъ, мимо. Конечно, онъ никогда не читалъ Ницше; Вагнера онъ зналъ только по исполненіямъ на роялѣ своего сына, прекраснаго пианиста С. П. Бартенева, и любилъ, говоря о музыкѣ Вагнера, употреблять выраженія самыя рѣзкія. Русская литература остановилась для Бартенева на Тургеневѣ (котораго, кстати сказать, онъ терпѣть не могъ). Чехова Бартенева, кажется, не читалъ вовсе. Горькаго попытался было читать, но тщетно старался себя увѣрить, что ему что-то въ Горькомъ нравится. Не читалъ Бартенева и моихъ книгъ и всегда былъ убѣжденъ, что я не говорю съ нимъ о моихъ стихахъ изъ чувства стыда за свое „бѣдное приемичество“.

Но, оставаясь чуждымъ новой литературѣ, Бартенева съ неизмѣннымъ вниманіемъ и усердіемъ слѣдилъ за всѣмъ новымъ, что печаталось объ эпохахъ и лицахъ, его интересовавшихъ. Каждая новая книга говорящая о XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка, находила въ немъ ревностнаго и старательнаго читателя. До конца жизни онъ не переставалъ такимъ образомъ учиться и пополнять свои свѣдѣнія и постоянно радовался, что спорные вопросы уясняются, что любезное ему прошлое становится все болѣе извѣстнымъ. Такъ, уже въ послѣдніе мѣсяцы жизни Бартенева съ величайшимъ интересомъ читалъ трудъ великаго князя Николая Михайловича объ Александрѣ I. Точно такъ же живо заинтересовался онъ моей статьей о Тютчевѣ, предпосланной новому изданію его сочиненій, и тотчасъ отмѣтилъ въ ней всѣ новыя данныя, разысканныя мною. При феноменальной памяти Бартенева, въ значительной мѣрѣ сохраненной имъ до конца дней, онъ умѣлъ все вновь обнаруженное тотчасъ связать съ уже извѣстнымъ, поставить

въ своемъ сознаниі на мѣсто и прочно присоединить къ запасу своихъ знаній.

Ни въ чемъ эта оторванность отъ настоящаго и живая, дѣятельная связь съ прошлымъ не сказывалась у Бартечева такъ ярко, какъ въ его отношеніи къ поэзіи. Бартечевъ любилъ стихи и чутко ихъ понималъ (хотя и не писалъ самъ, что соединяется рѣдко); онъ зналъ наизусть всѣ лучшія вещи Пушкина, Тютчева, кн. Вяземскаго, Баратынскаго и многихъ другихъ поэтовъ; до послѣднихъ лѣтъ онъ могъ цитировать наизусть цѣлыя страницы изъ своихъ любимыхъ писателей и чуть ли не на каждый случай жизни готовъ былъ привести что-нибудь четверостишіе. Воспринимать произведенія новыхъ поэтовъ (я не говорю, конечно, о „модернистахъ“) онъ рѣшительно не могъ. Помню, какъ его сынъ, нынѣ покойный Юрій П. Бартечевъ, когда появилась поэма гр. Голенищева-Кутузова „На берегу“, думалъ порадовать ею отца. Ю. П. казалось, что чисто-пушкинскій складъ этой поэмы долженъ былъ найти отзвукъ въ душѣ стараго поклонника „живой прелести“ стиховъ Пушкина. Бартечевъ выслушалъ чтеніе поэмы совершенно равнодушно и отозвался о ней какимъ-то пренебрежительнымъ словомъ, „вздоръ“ или что-то въ этомъ родѣ. Между тѣмъ когда я, около того же времени, разыскалъ одно забытое стихотвореніе Тютчева, Бартечевъ немедленно заучилъ его наизусть и долго послѣ повторялъ эти стихи.

Можно сказать, что Бартечевъ въ полной мѣрѣ жилъ въ прошломъ. Прошлое съ каждымъ годомъ становилось для него все болѣе близкимъ и живымъ. Не только по феномену, общему для всѣхъ стариковъ, онъ легко забывалъ событія вчерашняго дня, но помнилъ ясно то, что случилось тридцать и сорокъ лѣтъ назадъ. Но и то, что для него самого было стариной и исторіей, онъ видѣлъ въ живыхъ образахъ, какъ бы переживалъ все это. Въ его памяти хранился неистощимый запасъ свѣдѣній объ интимной жизни всѣхъ выдающихся людей двухъ послѣднихъ вѣковъ; онъ зналъ семейныя тайны нѣсколькихъ поколѣній,—и это знаніе пополнялъ какимъ-то особымъ даромъ угадыванія, исторической интуиціи. Иногда, слушая рассказы Бартечева о какомъ-нибудь событіи, которое, какъ кажется, не могло быть извѣстно никому, кромѣ того единственнаго лица, съ которымъ оно произошло, можно было подумать, что это—фантазія, произвольный домыслъ или даже клевета... Но, нѣтъ, то было именно способностью по одному штриху воссоздавать полно и въ образахъ цѣлую картину.

Самъ Бартечевъ рассказывалъ, что однажды, въ пору, когда онъ усиленно занимался эпохой Екатерины Великой, ему приснилась сама императрица. Екатерина подошла къ нему и, грозя пальцемъ, спросила: „И откуда ты это могъ узнать?“ Бартечевъ (во снѣ) отвѣтилъ: „Какъ же, матушка, а записочку ты изволила написать, не забыла?“ Такъ

именно, по одной сохранившейся записочкѣ, онъ угадывалъ цѣлое событіе, во всѣхъ его подробностяхъ. Ему достаточно было одного сухого документа, чтобы ясно представить всю сцену, и не разъ случалось, что позднѣйшія открытія оправдывали его „угадываніе“. То была именно „интуиція историка“, особенное историческое творчество, которымъ широко пользовались историки древности, которое мы еще находимъ у историковъ XVIII вѣка и у первыхъ историковъ великой революціи, но отъ которой совершенно отказались историки современные, не позволяющіе себѣ (за что, впрочемъ, я отнюдь ихъ не виню) высказать ни одного сужденія, не подкрѣпивъ его ссылкой на опредѣленный документъ.

„Душа моя—элизіумъ тѣней“, могъ смѣло сказать про себя П. И. Бартеповъ словами своего любимаго поэта. Онъ продолжалъ жить въ наши дни въ общеніи съ людьми прошлаго, съ Екатериной Великой, съ Александромъ I, съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Хомяковымъ. Въ этомъ мірѣ онъ чувствовалъ себя дома и, какъ на что-то чужое, смотрѣлъ на суетливую современность.

3.

Какъ о человѣкѣ исключительномъ, о Бартеповѣ, конечно, будутъ много говорить. Онъ самъ, какъ явленіе, былъ не менѣе, а можетъ быть, и болѣе интересенъ, чѣмъ его труды. Характеръ оригинальный и самостоятельный, личность сильная и самовластная, онъ и многихъ привлекалъ къ себѣ неодолимо, почти плѣнялъ, очаровывалъ и во многихъ возбуждалъ чувства враждебныя, почти негодованіе, почти ненависть. Говорить о немъ будутъ разное, и на лицахъ, знавшихъ его, лежитъ обязанность, по возможности, освѣтить его образъ, показать, кѣмъ же и чѣмъ же онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По громадной разницѣ лѣтъ, по разницѣ тѣхъ круговъ общества, въ которыхъ проходила наша жизнь, я, разумѣется, не могъ быть знакомъ съ Бартеповымъ сколько-нибудь „иятимно“. Но въ теченіе четырехъ лѣтъ (1899—1902 гг.) я былъ его помощникомъ по изданію *Русскаго Архива*, скажемъ—„секретаремъ редакціи“, а „редакція“ *Архива* почти сливалась съ семьей Бартепова. Ему помогали въ работѣ дочери, потомъ—внуки; самое помѣщеніе редакціи было въ то же время личной квартирой Бартепова. Волей-неволей многое изъ личной жизни Бартепова проходило передъ моими глазами. Покинувъ работу въ редакціи *Архива*, я продолжалъ посѣщать Бартепова, былъ знакомъ съ его сыновьями, встрѣчался и теперь съ ними и съ его внуками. Все это даетъ мнѣ право сказать и свое слово о Бартеповѣ, какъ о человѣкѣ.

Безспорно, самостоятельность была основной чертой характера Бар-

тенева. Подобно тому, какъ онъ въ своемъ *Архивъ* все стремился сдѣлать самъ, вплоть до чтенія всѣхъ корректуръ, такъ и въ жизни Бартечевъ любилъ все дѣлать самъ. Я видѣлъ, что онъ входилъ во всѣ мелочи повседневности, любилъ распорядиться всею, не хотѣлъ ничего довѣрить другому. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ императора Николая I, который, какъ извѣстно, требовалъ на свое утвержденіе планы всѣхъ каменныхъ построекъ во всей имперіи. Эта жажда самостоятельности доходила у Бартечева почти до чего-то дѣтскаго. Онъ былъ хромъ, ходилъ съ костылемъ, но до самыхъ послѣднихъ лѣтъ всячески старался обходиться безъ чужой помощи. Помню, уронивъ однажды какой-то предметъ, онъ никому не позволилъ поднять его и, самъ улыбаясь, возражалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, я, какъ маленькія дѣти, всею говорю: „я—самъ!“ Бывалъ у меня, Бартечевъ, уже почти 80-лѣтній старикъ, больной, хромою, никогда не допускалъ, чтобы его провожали: самъ сходилъ съ лѣстницы, самъ нанималъ извозчика, прямо обижался на всякое содѣйствіе.

Изъ области мелочей ту же самостоятельность Бартечевъ переносилъ и въ болѣе высокія сферы. Онъ признавалъ только свое правописаніе, и оно соблюдалось въ *Русскомъ Архивѣ* всѣ 50 лѣтъ, несмотря на „всякихъ Гротовъ“. Онъ слышать не хотѣлъ о разныхъ „новыхъ“ словахъ, которыя, по его мнѣнію, нарушаютъ чистоту русскаго языка, говорилъ и писалъ по-своему, ни за что, напримѣръ, не хотѣлъ употребить выраженія „редакторъ“ и всѣ 50 лѣтъ подписывался подъ книжками своего журнала: „Издатель и составитель *Русскаго Архива* Петръ Бартечевъ“. У него были свои политическія взгляды и, если было естественно, что онъ не могъ измѣнить ихъ въ угоду либеральнымъ и демократическимъ вѣяніямъ новаго времени, то болѣе замѣчательно, что онъ никогда не отступалъ отъ тѣхъ своихъ воззрѣній, которыя многимъ изъ окружающихъ его казались слишкомъ свободными и „подрывающими основы“. Такъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы онъ защищалъ передъ своими собесѣдниками значеніе и нужность Государственной Думы... Ничто не могло поколебать установившихся взглядовъ Бартечева на опредѣленныхъ историческихъ лицъ,—его благоговѣнія передъ „основательницей династіи“ Екатериной Великой, его сужденія объ Александрѣ Благословенномъ, какъ „прельститель“, его убѣжденія, что „на лирѣ Пушкина не было басовой струны“, его глубокаго негодованія на Бѣлинскаго, и т. д. и т. д.

Самостоятельный во всемъ, Бартечевъ любилъ и свои мнѣнія высказывать прямо, рѣшительно. Онъ даже любилъ „огорошить“ своего собесѣдника какимъ-нибудь рѣзкимъ сужденіемъ, сказать, напримѣръ, почитателю Бѣлинскаго, что Бѣлинскій былъ „дуракъ“, или, наоборотъ, стороннику „твердой власти“—что-нибудь очень сильное объ одномъ изъ

ея хранителей... Но при всемъ этомъ было въ Бартенева опредѣленное лукавство,—лучше сказать, ему *хотѣлось*, чтобы оно въ немъ было. Самъ себя онъ, вѣроятно, считалъ очень хитрымъ, умѣющимъ обманывать людей, но большею частью эти хитрости были крайне наивны. Удачнѣе всего удавалось старику прикидываться простоватымъ, потому что это чѣмъ-то отвѣчало его душѣ. Онъ могъ говорить вещи крайне наивныя съ такимъ невиннымъ лицомъ, что неопытный собесѣдникъ обманывался и въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ думать, что „составитель *Русскаго Архива*“ такъ простъ. Особенно любилъ Бартенева прикидываться простымъ, когда дѣло заходило о вопросахъ денежных...

Когда будутъ говорить о Бартенева, нѣкоторые, вѣроятно, рѣшатся сказать, что онъ былъ корыстолюбивъ и скуповатъ... Дѣйствительно, кое-что могло подать поводъ къ такому нареканію. Во всѣхъ мелочахъ обихода Бартенева былъ именно скупъ, не любилъ раскрывать кошелекъ. У извозчиковъ онъ, когда еще выѣзжалъ, выторговывалъ пятакки. Въ редакціи *Архива*, ради экономіи, писали не на „покупной“ бумагѣ, а на оборотной сторонѣ корректуръ. Сотрудникамъ своего журнала Бартенева предпочиталъ не платить ничего, и, вѣроятно, *Русскій Архивъ* единственное изданіе, которое ухитрилось въ ХХ вѣкѣ платить такіе гонорары, какъ 5 руб., выданные одному сотруднику за статью въ печатный листъ, и даже 1 руб., выданный другому тоже за статью въ нѣсколько страницъ...

Но эта экономность Бартенева почти исключительно была направлена „на огарки свѣчъ“. Въ ней тоже было такъ много наивнаго и дѣтскаго, что она, когда съ ней знакомились ближе, возбуждала добродушную улыбку, а не негодованіе. Напротивъ, въ болѣе важномъ Бартенева, и въ денежныхъ дѣлахъ, до старости оставался дѣтски-неопытнымъ. Довольно большія суммы проходили черезъ его руки и утекали неизвѣстно куда. Скупой на копейки, Бартенева часто былъ щедръ на сотни и тысячи рублей. Лучшимъ возраженіемъ противъ обвиненія Бартенева въ стяжательности должно служить то, что за 50 лѣтъ трудовой жизни онъ не „стяжалъ“ ничего или почти ничего. Все, что ему удалось приобрести, было приобретено болѣе чѣмъ 12-лѣтнимъ трудомъ по изданію „Архива графовъ Воронцовыхъ“. Напротивъ, *Русскій Архивъ*, несмотря на правительственную субсидію, не приносилъ своему издателю ничего, скорѣе требовалъ отъ него матеріальныхъ жертвъ, не говоря о неустанной полувѣковой работѣ... Бартенева жилъ скромно, уединенно, и наибольшая роскошь, какую онъ себѣ позволялъ, было—играть „по маленькой“ въ преферансъ и въ вистъ (онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ игроковъ въ эту, нынѣ совсѣмъ забытую, игру) да держать, въ теченіе одной поры жизни, постоянного извозчика, необходимаго старику при его хромотѣ.

Остается добавить, что Бартепевъ былъ вполне русскій человекъ, любилъ Россію, русскій народъ, вѣрилъ въ его судьбу. Эту любовь, эту вѣру онъ вынесъ, конечно, изъ славянофильскихъ круговъ, но онъ были въ его душѣ живыми, дѣйственными. Я уже говорилъ о томъ, какъ онъ избѣгалъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ, и рѣчь Бартепева, устная и письменная, дѣйствительно, была вполне русская, „ядренная“, полная мѣткими словами и самобытными выраженіями. Постоянное общеніе съ русской исторіей невольно связало его со всѣмъ укладомъ русской жизни, особенно XVIII и начала XIX вѣка, и внушило ему непобѣдимое пристрастіе ко всему, въ чемъ „русскій духъ“. Онъ радовался, „какъ старый ловецъ“, напавъ на выгуклое, яркое изображеніе старины, отыскавъ старое письмо, написанное хорошимъ русскимъ языкомъ, получивъ старую грамоту, съ самобытными, сильными оборотами рѣчи. Бартепевъ любилъ и умѣлъ говорить съ простыми русскими людьми, и тѣ чувствовали въ немъ близкаго себѣ. Умирая, отказываясь отъ помощи врача, Бартепевъ попросилъ позвать къ себѣ своего лакея Александра, добавивъ слабымъ голосомъ: „Онъ (этотъ Александръ) умнѣе всѣхъ ихъ (т.-е. всѣхъ ученыхъ докторовъ)!“

4.

Какое значеніе Бартепева для науки?

Самостоятельно онъ написалъ не много, и всѣ его работы для нашего времени значительно устарѣли. Но дѣло Бартепева, какъ издателя, огромно, и въ этомъ отношеніи его вліяніе на русскую науку почти не поддается учету. Въ свой *Архивъ* изъ года въ годъ, какъ трудолюбивый муравей, онъ тащилъ все новые матеріалы по русской исторіи и по исторіи русской литературы, и многое, очень многое изъ того, что теперь вошло во всеобщій обиходъ, впервые появилось на страницахъ его изданія. Бартепеву вѣрили, ему несли цѣлые семейные архивы, наследники Пушкина именно ему довѣрили впервые опубликовать бумаги великаго поэта, и трудно назвать ту эпоху русской исторіи за два вѣка, изслѣдователь которой не обращался бы къ *Русскому Архиву*, какъ къ первоисточнику.

Какъ издатель, Бартепевъ принадлежалъ, безспорно, не къ нашей эпохѣ. Современные методы изслѣдованія и изданія документовъ были ему чужды. Онъ почиталъ себя въ правѣ не только сокращать, но порою даже подновлять печатаемый текстъ. Излишняя заботливость о точности, казалась ему „врохоборствомъ“. Онъ подсмѣивался надъ современными издателями былинъ, старающимися сохранить каждый вариантъ стиха. „Пьяная баба рыгнула,—вотъ имъ и вариантъ“,—говорилъ онъ. Однажды, печатая, при нѣкоторомъ моемъ участіи, новое изданіе стиховъ Тютчева,

Бартеневъ рѣшительно убѣждалъ меня исправить одинъ стихъ, представлявшійся ему неудачнымъ. „Издатель долженъ быть другомъ автора“,—говорилъ онъ въ свое оправданіе.—„Все это—вздоръ“,—говорилъ онъ въ другомъ случаѣ, зачеркивая весь конецъ однихъ мемуаровъ.

Но эти вольности искупались у Бартенева поразительнымъ знаніемъ предмета. На своемъ вѣку онъ прочелъ десятки тысячъ писемъ и тысячи мемуаровъ, относящихся къ XVIII и началу XIX вѣка, и всѣ самыя интересныя, самыя запутанныя отношенія людей тѣхъ эпохъ были для него совершенно ясны. Онъ зналъ много семейныхъ и болѣе чѣмъ семейныхъ, можно сказать—государственныхъ тайнъ, говорить о которыхъ въ печати было еще неумѣстно. И очень часто Бартеневъ пользовался формою примѣчаній къ печатаемому тексту, чтобы намекнуть на то, что въ то время было извѣстно еще очень немногимъ. Эти маленькія, иногда, въ двѣ-три строки, примѣчанія, подписанныя буквами „П. Б.“, всегда составляли лучшее украшеніе *Русскаго Архива*. Въ сжатыхъ, но точныхъ выраженіяхъ Бартеневъ разяснялъ въ нихъ запутанные вопросы исторіи, указывалъ на факты, неизвѣстные многимъ, намекалъ на событія, еще не преданныя гласности. Часто одно маленькое примѣчаніе придавало смыслъ всему напечатанному документу или было цѣниѣ цѣлой помѣщенной въ журналѣ статьи.

Съ годами цѣнность матеріала, помѣщаемого въ *Архивъ*, несомнѣнно падала. Прежде Бартеневъ умѣлъ зорко слѣдить за судьбами какаго-нибудь интереснаго документа, подстерегалъ его, какъ охотникъ дичь, и наконецъ, поймавъ, цѣпко держалъ въ своихъ рукахъ. Въ послѣднее время эта цѣпкость его рукъ ослабла, и не мало драгоценныхъ матеріаловъ прошло мимо *Архива* только потому, что у его издателя не было ни силъ, ни энергии, ни средствъ охотиться за ними. Одряхлѣвшій и полубольной, старикъ Бартеневъ доводился тѣмъ, что само плыло въ его руки; доходило до того, что онъ цѣлыя книжки наполнялъ перепечатками. Но до самыхъ послѣднихъ лѣтъ не было года, чтобы въ *Русскомъ Архивѣ* не помѣщалось чего-либо особенно замѣчательнаго. Еще въ тѣ годы, когда я работалъ въ журналѣ, въ немъ печатался такой первостепенный матеріалъ, какъ переписка бр. Булгаковыхъ,—лучшее, что существуетъ, для изученія московскаго и петербургскаго общества 10-хъ, 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

На-ряду съ примѣчаніями Бартенева надо поставить его рецензіи. Большею частью помѣщенные внутри „сорочки“ (обложки) *Русскаго Архива*, краткія, но написанныя необыкновенно живымъ, своеобразнымъ языкомъ, эти рецензіи всегда выражали взглядъ самостоятельный и мѣтко опредѣляли значеніе книги. Часто Бартеневъ пользовался разбираемымъ изданіемъ лишь какъ исходной точкой, чтобы высказать свои сужденія о такомъ-то явленіи или событіи. Тогда рецензіи обращались

въ маленькія статьи, касавшіяся лишь одной стороны предмета, но всегда освѣщающія его по-новому, неожиданно. Бартеневъ не умѣлъ писать незначащихъ словъ; онъ не писалъ ничего, если ему было нечего сказать, и если онъ бралъ перо, это значило, что ему есть что сообщить новаго.

Такимъ Бартеневъ жилъ, такимъ и умеръ, въ смертномъ бреду спрашивая, „послали ли корректуры въ типографію“. Съ нимъ можно и должно было не соглашаться, но нельзя было не признать цѣльности его убѣжденій и его личности. „Обломокъ старыхъ поколѣній“, онъ принесъ въ нашу жизнь вѣрованія, взгляды и привычки иного времени. Но онъ не былъ чужимъ и лишнимъ среди насъ. Онъ продолжалъ дѣлать, по мѣрѣ дарованій, силъ и умѣнія, свое дѣло,—и дѣло значительное,—продолжалъ учиться и мыслить до послѣдняго дня. Умственные интересы были для него выше всего, всегда на первомъ планѣ. Мысль была основнымъ свойствомъ Бартенева, и могла угаснуть, и угасла въ немъ, какъ и въ его любимомъ поэтѣ, Тютчевѣ, только вмѣстѣ съ жизнью.

Валерій Брюсовъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ

КНИГА XII

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1912